

Как один миг пролетело лето, ярким вихрем пронеслись недели, проведённые на даче, среди нежных и пёстрых роз, в тени разлапистых дубов и елей. Дни становились всё короче, раньше подёргивался синей дымкой горизонт. Были ночи бессонные, наполненные удивительной историей, переживаниями за судьбы героев романа, радостью встреч, слезами, вызванными их гибелью; были ночи, полные воспоминаний и детских, поистине несмешных шуток (которые, тем не менее, веселили сонный разум в четыре часа утра!) Сны: Версальский дворец, сражения в рядах Великой армии, коронация Императора, а потом... потом битва на баррикадах за Республику и высокий светловолосый юноша со знаменем в руках. «Отверженные». Сны переносили в далёкие, давно минувшие дни Арды, на страницы «Сильмариллиона», в Лориэн, под шёпот золотых листьев Благословенного края. Всё смешивалось в причудливые узоры, картины со странным смыслом... И вот, под утро, ты видишь Феанора, стоящего плечом к плечу с маршалом Мюратом, а позади, уронив голову на

грудь, прислонившись к стене, холодно улыбается серая тень, чьё лицо скрыто чудесным видением изумрудных лугов и тихого домика в лесу. Это было лето перед одиннадцатым классом, последнее лето детства...

Две недели мы прожили на даче с подругой, и философские вечерние беседы сменялись работой в саду и столь приземлённой борьбой с сорняками, которые даже сорными травами назвать никак не получается, ибо последнее звучит возвышенно. Вставали рано, ложились поздно, и так всякий раз.

Но вот зацвели золотые шары, позеленела чистая речка, настало время уезжать... В конце июля мне предстояло отправиться в необычный город России, туда, где строгие немецкие названия прячутся за русскими табличками, туда, где Кранц теперь зовётся Зеленоградском, Раушен — Светлогорском, Пиллау — Балтийском, а маленький волшебный Пальмикен взял псевдоним «Янтарный». Отступал в тень старый туманный Кёнигсберг, и солнечный Калининград гостеприимно улыбался XXIII Международным чтени-

ям, встречая «Русскую литературу на Балтике».

Боюсь, я не подберу подходящих эпитетов, чтобы описать многоликость и красоту города. Гостинный дом «Альбертина», выстроенный на тихой улице, удивлял фасадом, украшенным изображениями крепостей, королей и герцогов, писателей и философов. Почему-то мне запомнилось изображение лося на стене второго корпуса, я сразу подумала о Швеции, о Финляндии и настоящем духе северного леса; но напротив возвышался китайский храм и переносил мечтателей уже в загадочную, горящую огнями тысяч фейерверков Азию. Небо здесь тоже особенное: оно мерцает голубым светом, и плывут по его полотну розовые облака; порой резкий гул истребителя прорезывает полосу и возвращает на землю, рассеивая мечты о далёких краях, как рассеивается за ним инверсионный след.

Каждый вечер я гуляла по нашей улице и всё смотрела на дома: кирпичные крепости, угрюмые, заворачивающие, хранящие старые тайны германских земель... Блистали здесь и роскошная лепнина, гербы на фасадах, кованые вензеля, балконы, розы, дикий виноград и стеклянные ограждения, подземные парковки и деревянные столбы с гирляндами алых цветов. Коралловая черепица над выбеленными стенами альпийского шале... Казалось, местные жители соревновались друг с другом и строили удивительные, точно сахарные,

дворцы. «Когда-нибудь и мы купим такой дом», — улыбалась подруга, рассматривая фотографии. Я и сама об этом думала... Знаю точно, там будет просторный балкон с видом на вечнозелёный лес — мастерская писателя — и уютный чуланчик с разноцветными стенами и яркими лампочками — мастерская художника, ведь только в такой обстановке и появляется вдохновение.

Быть может, меня не осудил бы Эрнст Теодор Амадей Гофман, сказочник, чьи пугающие и мрачные, но такие красивые сказки бережно хранят и старый бурый кирпич, и запах масла, и мерцание тусклого фонаря в ночи, и стук колёс по мостовой. Именно Гофман показал читателю истинный лик старых немецких го-

родов, мистифицируя и преображая их в своих произведениях. Восточная Европа сильно отличается от западной: она представляется таинственной, осенней и туманной. Здесь, даже спустя столько лет, хочется творить: война не заглушила голоса прошлого, и, если прислушаться, то какой-нибудь сорвавшийся с ветви листок, порыв ветра или плеск воды донесут истории людей, что давно покинули эти земли: кельты, эстии, курши... Может, их помнит золотая смола? Драгоценный янтарь, расскажи юным мечтателям о своей удивительной северной земле...

Раушен

Маленькая светловолосая девочка играет в песке на берегу. Сдерживаемая бабушкой, она тянет ручки к полосатой кошке и смеётся... Рассматривая свои детские фотографии, я всегда интересовалась загадочным уголком России, находящимся отдельно от России большой. Когда узнала, что этим летом отправлюсь в Раушен, думала: «Что увижу там пятнадцать лет спустя? Восстанет ли хоть что-то из потаённых уголков детской памяти?..» Сосны, высокие дубы... Если что-то и показалось мне до боли знакомым и родным, так это тот дух, что витает над аккуратными вилами, над красной черепицей и лавочками. Деревья, море... Быть может, я не помню картин, но чувства, что-то еле уловимое, откликнулись на немые вопросы, отзываясь в душе.

Набережная, скверики, узкие пешеходные улочки и кованные узоры на воротах, небольшие постройки и сады — всё так аккуратно и уютно, всё по-европейски. В «Доме сказочника», светлогорском брате «Альбертины», участники Чтений вспоминали произведения Гофмана, жившего в Кёнигсберге; говорили о западноевропейской литературе и рассказывали о любимых книгах. Вальтер Скотт, Жюль Верн, лорд Байрон, Виктор Гюго... Когда очередь дошла до меня, я вспомнила роман «Отверженные». Что значит «вспомнила»? Действительно, я и не забывала, но просто в тихом, некогда немецком городке странно было говорить об эпохе революций во Франции... Нет, я всегда любила произведения Гюго («Собор Парижской Богоматери» я порой перечитываю и сейчас), но «Отверженные» — это поистине удивительное произведение, летопись десятилетий, пропитанная благородством забытых, мужеством юных и милосердием старых. Однако это уже другая тема...

За беседами в гостиной дома-музея пролетел час, а может и больше... Так или иначе, когда участники Чтений покинули отель, настало обеденное время. Выслушав рассказ хозяина о старом городе и трёх крепостях, гости отправились на прогулку.

Признаться, меня поразили пригороды Кёнигсберга: здесь так красиво и уютно. Светлогорск, Зеленоградск, Балтийск — всё это небольшие городки, но в них так аккуратно и мило: светофор с кошками, картины на

стенах маленьких домов, яркая черепица и цветы на фасадах... Когда гуляешь по мощённым улочкам, кажется, что действительно попадаешь в историю из-под пера немецкого сказочника.

Светлогорск — удивительное место: бывший курорт Раушен и сейчас привлекает туристов, остаётся одним из лучших мест отдыха на берегу Балтийского моря. Тут много санаториев, домов отдыха, парков и усадеб, набережная-променада... Город не перестаёт развиваться. Один из участников Чтений, наш уважаемый старший друг, хозяин «Альбертины», Борис Нухимович Бартфельд, строит дом творчества. Здание уже готово: собравшись в просторном зале с недавно выбеленными стенами, гости, глядя на широкое озеро, читали стихотворения — свои или просто любимые. Не имея за плечами опыта поэтического, я, вдохновлённая духом романтизма и светлой печалью самого места, говорила о немецкой балладе, переведённой М. Ю. Лермонтовым на русский язык:

Es rauschen die Winde, die Nebel ziehn,
See Hummel ist sternenleer
Hoch über den schäumeden Wogen hin
Durchschwebt ein Segel das Meer...

Продолжение следует.